

Превосходные слова! Любопытно, где вы их украли?

Джонатан Свифт

Не выдавай краденого за своё.

Антон Павлович Чехов

Плагиат – это когда вы берете что-то у кого-то другого и делаете это хуже.

Джордж Мур

Все литераторы знают про плагиат.

И знают, что это такое.

Это когда писатель-вор крадет у другого писателя его креатив.

Но мало кто знает, и даже в среде братьев-литераторов, что существует сто разных способов тем или иным образом использовать чужой текст. Втихаря или громко. Изящно или грубо-топорно. Искусно и хитро – или громоподобно и не стесняясь.

Использование чужого текста в литературном пространстве многозначно и многовариантно. Мы расскажем вам сейчас об этих вариантах, и боюсь, что даже не обо всех.

Однако самые основные – упомянем. Вспомним.

Итак, начнем!

* * *

Плагиат – слепое (и часто точное, слово в слово, а бывает так, что и с хитрой заменой пары-тройки авторских слов на другие, воровские) копирование чужого текста.

Отчего люди плагиатствуют? Оттого ли, что у них самих пороху не хватает в интеллектуальных пороховницах?

Возможно, не только поэтому, хотя это самый распространенный вид плагиата: «я так не умею, а другой умеет, и дай я у него украду и стану таким же, как он, счастливым и знаменитым».

А еще и потому, что думают: аось не заметят! В мире же столько текстов, миллиарды!

Тот, кто крадет, конечно, знает, что его ждет. Кошка всегда знает, чье мясо съела.

Плагиат, как явление, юридически доказуем и наказуем, а по-человечески – всегда откровенно презираем.

Но плагиатом считается не украденное слово, не украденный образ или удачная строчка: плагиат всегда – цельный массив текста, без особых изъятий и зияний перенесенный в книгу или публикацию, над которым стоит уже чужое имя.

* * *

Вариации. С ними уже посложнее будет.

Вариации в музыке – ну, это вполне традиционный жанр: кто из композиторов не писал вариации на заданную тему? «Вариации на тему Корелли» Рахманинова, «Тридцать две вариации» Бетховена... И в музыке все понятно до самомалейшей ноты: автор варьирует чью-то тему, показывая ее в разных обличьях и подключая для создания целой горы вариаций всю свою фантазию. Куда ни кинь, это творческий процесс, и на чужую тему композитор создает все равно креатив.

Но бывает так, что и тема для вариаций придумывается своя, а не берется из чужой музыки.

В литературе тоже встречается этот прием. Берется чужой текст и всячески варьируется. И особенно этот прием популярен... в создании пародий. Кто не помнит знаменитые циклы пародий на темы: «Пошел купаться Веверлей, оставив дома Доротею...», «У попа была собака», «Жил-был у бабушки серенький козлик», в не менее знаменитом сборнике «Парнас дыбом», 1990, повторившем издание 1927 года? Поп и его собака, им убитая, появляются в пародиях в стиле Лонгфелло, Шекспира, Некрасова, Оскара Уайльда... Великолепны серые козлики Надсона, Бальмонта и Сергея Городецкого. А пародист – мастер вариаций, что тут сказать!

Но это разве воровство? Это литературная игра.

* * *

Вторичность. Это когда кто-то сильный и великий, уже известный и славный, проложил литературную лыжню, а ты бежишь по ней за далеко ушедшим вперед лыжником, и силишься догнать, а его спина между деревьев все время мелькает перед тобой. Там, далеко!

А ты сердишься, ты хочешь, как он! Хочешь стать мастером!

Хочешь его обогнать!

И, сцепив зубы, пишешь, как он. Почти как он!

Да что там, прямо как он! Или даже еще лучше! Живее, красивее! Поглядите!

Однако в этих текстах, написанных по желанию «стать как он», ведь не присутствует никакой энергетики подлинника. Форма есть, содержание есть, слова вроде подобные, а энергетики – нет. Вот беда!

Но это беда многих начинающих; вторичность – их болезнь. Бежать по накатанной лыжне легко, но безрадостно.

* * *

И здесь, если уж речь зашла об ученичестве, возникают два понятия: *школа и эпигоны*.

Давайте сначала о *школе*.

В школе почти все ученики (за редким исключением!) подражают учителю. Они так хотят скорей стать такими же, как учитель – умелыми, яркими, всемогущими, – мастерами!

И, естественно, перенимают у учителя целый набор всякой всячины – от конкретных приемов (и даже конкретных слов и выражений, лишь учителю свойственных) до стилистики, от формы (построения, композиции, лепки отдельных эпизодов) до содержания (когда ученик, пыхтя, беззастенчиво и наивно ворует у учителя сюжет, старательно приспособливая его к своему видению и умению).

А в живописи, посмотрите!

Школа Перуджино – из нее вышел Рафаэль. (И сколько же всего он у Перуджино взял! И как же дальше и выше Перуджино он полетел!) Школа Рембрандта – и вот уже Амстердам, да и всю кроху-Голландию наводняют маленькие «рембрандтики», только без трагизма и мощи Мастера.

* * *

А *эпигоны* – это, друзья мои, опошленная школа.

Это школа без ученичества.

Быстро слизать, с поверхности, самые сливки Мастера, его сметанку. «Котик сливочки слизал и на Машеньку сказал».

Повторить Мастера, его ужимки и хватки, его взрывы и молнии, облака и ветры, фигуры и светила, его жизнь и смерть, только, как говорится, своими словами.

А что, мы и своими словами неплохо можем!

Пошлость – это расхожесть. Это утилитарность, то, что пользуют повсеместно и охотно.

Эпигон, подражая Мастеру, всегда (это получается подсознательно) старается вроде как перетолковать, перетолмачить находку Мастера, перевести на язык толпы. А чтобы понятней было! Чтобы – повторяли, понимали, развлекались, восхищались! Знатоки – ну их. Толпа, всеобщая любовь – вот где соблазн. А людям что нужно? Чтобы просто, понятно и красиво. А иной раз даже чтобы красивенько.

Вспоминается старый анекдот.

Ссорятся два литератора. И вот уже дерутся. Их расцепляют друзья. Один кричит другому в лицо: «Эпигон!» Другой кричит первому: «Графоман!» Первый набирает в грудь воздуху. Как бы побольнее уязвить соперника? И кричит: «Эпигон графомана!»

* * *

И совсем рядом с эпигонством, вплотную к нему, конечно же, стоит *подражание*.

Мы сейчас не будем рассматривать истинное значение греческого слова *mimesis* – в переводе на русский это, да, подражание, но совсем не то, о котором вы сейчас подумали.

Мимезис – это не подражание писателю, а художника – какому-то художнику.

Мимезис – это подражание художника природе, миру, всему сущему, – трехмерному видимому и слышимому миру, вселенной, в которой он живет.

Я когда-то, в одной из искусствоведческих своих статей о работах живописца Владимира Фуфачева, изобрела (как мне казалось тогда, удачно) три ступени, ведущие на верх искусства: 1) *копиизм* – когда художник слепо копирует природу – и переносит ее на холст, лист, стену, это и есть мимезис в чистом виде; 2) *иллюстрация* – когда автор пишет свой собственный вариант конкретного дождя или реального снегопада, а еще иллюстрирует вечный миф или вечный сюжет; 3) *креатив* – когда художник создает то, чего не было раньше (и больше никогда не будет).

Эка я обрадовалась, когда много позже узнала, что о копии говорил еще Платон, а о креативе (о чистом творчестве) – Аристотель!

Так вот копиизм, копия, подражание природе – это и есть подлинный мимезис, и это первый шаг в освоении пространства искусства.

Учеников в художественной школе сначала учат, как правильно нарисовать клювик у птички и точно, узнаваемо набросать углем человеческую фигуру. Смотри – и рисуй! Подражай! Это твой мимезис, начальная школа твоя. Природа тебе поможет!

Но, освоив мимезис на первых курсах, пройдя азы старательного копирования природы и ее форм, учитель бросает щенка в бурную холодную воду Большого Искусства: плыви!

Не все выплывают.

Подражание и подражатели – особь статья внутри художественного мира.

Несть подражателям числа, их всегда очень много в искусстве, в среде художников и писателей.

Но, в отличие от сути подлинного античного мимезиса, они подражают не природе, не цветку, не реке, не зверю – они подражают искусству другого человека. Другого мастера.

Это, если можно так выразиться, поддельный мимезис, обманный.

Ты здесь копируешь не колосающуюся рожь – а рожь, что колосится в чужом рассказе; не дождь пишешь с натуры – а дождь, что колотит по крышам в чужом романе.

Ты не сам рождаешь героя, сюжет и все коллизии – а украдкой, втихомолку, тащишь их из приглянувшейся книги.

Ты здесь не сам находишь сравнения, метафоры, эпитеты, символы-знаки – а горстями берешь их у другого, в чужом тексте, потому что прекрасно видишь: этот текст – отличный, достойный! И так увлекает, аж захватывает дух!

Ну как же тут не спеть чужим голосом! Ведь чужой голос такой сладкий, красивый.

Как не скопировать чужой образ? Ведь он такой яркий, издали видать!

Да споешь-то ты всё это дело – своими словами! «И чтоб никто не догадался...»

Бывает, и догадываются люди.

Подражатель – тоже своеобразный переводчик: он переводит чужой текст на свой, как если бы оригинал был на английском или на французском языке написан; но оба текста – на одном языке, и оба – получается так – все равно близнецы. Близнецы-братья. «Кто больше матери истории ценен?»

...Подражатели – бессмертны.

Оглянитесь и подсчитайте, сколько в России поэтов – подражателей Есенину. Маленьких таких, слезливых «есенинят», что плачут об осенних березах и восклицают при виде той же колосющейся ржи: «Гой ты, Русь моя родная!» Я бы вам точную цифру назвала, да не знаю ее, но подозреваю, она будет большая. Со множеством нулей.

А сколько по белу свету бегают «бродсковят»? Стиль Бродского в свое время оказался таким мегасоблазном для стихотворцев, что «под Бродского» бросились писать все кому не лень. Даже редакторы устали. Утомились. Получая очередную «бродскую» рукопись, они отправляли холодное письмо несчастному подражателю: «Портфель редакции переполнен». Эта невинная фраза для автора звучала как отборные матюги.

А в живописи, там вообще беда. Вот жил-был Сальвадор Дали. Кровью и всей жизнью, между прочим, заплатил за свой вселенский живописный эпатаж!

Если бы знали, сколько в современной живописи маленьких «сальвадорчиков»!

Но никогда им не повторить судьбы гения.

Дали и превозносили, и плевали в него.

«Сальвадорчик» удивленно думает, почесывая перед мольбертом затылок: ну вот я пишу как он, я все делаю как он, а что же в меня никто не плюет? И, главное, никто не превозносит?

* * *

Существует, в особенности в крупной прозе, в романах, чаще всего остросюжетных, и **прямая кража**.

Не плагиат, подчеркиваю, а именно кража.

Крадутся: тематика, фабула, сюжет, герои. Даже образы и смыслы, если вор – искусник и может это хорошо сделать.

Все вышеперечисленное крадется, забивается в компьютер (раньше, в рукописную и пишмашинную эру, было сложнее совершать такие кульбиты, но и тогда такое наблюдалось) и искусно, тщательно переписывается.

Меняются имена героев. Подставляются взамен украденных похожие как две капли воды, подобные ситуации. Видоизменяется источник – так, чтобы и помину от источника не осталось; переписывается напроць.

И – вперед, к издателю!

Издатель смотрит: оценивает: недурно! – командует: в печать!

И вот вор держит в руках глянцевою свою книжечку и довольно похихикивает: как я его, автора-барана, обдурил!

А может, напротив, трусливо оглядывается по сторонам и думает, совсем как Беликов у Чехова: «Как бы чего не вышло».

Почему человек так поступает? Что, сил не хватает придумать свое, устал, что ли? Утомился? Ну не ходи тогда в искусство! Там воров не любят! И слабаков тоже!

И все же, все же, все же! Этот соблазн тоже объясним.

Я не психолог и не психиатр, но я по-своему объясню.

Вора сильно беспокоит, будоражит не столько чужая слава, сколько чужое творчество.

Он... завидует.

Завидует тому, как и что может друг-соперник.

А в случае коммерческой литературы – и деньгам завидует. Зарботкам.

И тоже заработать хочет.

* * *

И вот, если уж речь зашла о *рынке*.

Прежде всего отметим вполне легальное использование коммерчески выгодной темы.

Гарри Поттер – Таня Гроттер.

В Польше Иоанна Хмелевская – у нас Дарья Донцова.

Во Франции Анжелика – у нас Лизонька Измайлова.

В Англии Шерлок Холмс – у нас, ура, наконец-то, Эраст Фандорин!

«Котик сливочки слизал...»

Авообще, глядите-ка, славно получается! Конан-Дойл родил Холмса – а наш Акунин такого Фандорина смастерил, что Холмса даже местами и перекрыл. А феномен Дарьи Донцовой постмодернисты однажды даже рассматривали как свой собственный: чем не постмодерн – название книжки одно, а романчик совсем о другом!

Но, дорогие мои, хорошие, это ведь все не литература. А, как верно, точнехонько заметил Юрий Поляков, книжная продукция.

На Западе герой плохо лежит – стащим его! И пересадим экзотический цветок на нашу почву. Приживется. И поливать хорошо будем!

На Западе сюжет плохо лежит – а ну-ка, братец, подсуетись! Другие имена, другие времена... Никто ничего не скажет, под локоть не толкнет! И в суд, главное, не подаст!

...бежать по накатанной лыжне легко, но...

* * *

Парафраз. Есть такое дело в музыке.

И в литературе – есть.

Берется текст, ну, например, романа, и пересказывается опять же этими, пресловутыми, язви их, своими словами.

«Однако это же... адаптация!» – воскликнете вы. И будете правы.

Вы сами назовете мне сотни, тысячи текстовых адаптаций. Приспособлений текста ко времени, к публике, к рынку, к целевой аудитории.

Да, это прямая и часто нахальная переработка текста; так умело текст могут поиспользовать издатели, беря одного автора, подсовывая его хорошему переписчику и потом издавая (выдавая) старую книгу за новую.

«И пусть сожгут написанное мною, пусть переписчик слеп...»

Это я из себя цитирую. Мне – можно.
...Взрослую литературу приспособить под детскую.
Переложить древний псалом современным языком.
Все это – парафраз. Пара фраз.
Так, пара за парой, из оригинального текста делается... а что же делается?

* * *

Совсем рядом с парафразом стоит, между прочим, *перевод*.
С одного языка на другой.
И иногда перевод бывает гениальнее оригинала.
«Горные вершины спят во тьме ночной...» – ну Лермонтов здесь всяко гениальнее Гёте!
Хотя не нам судить: мы не немцы.
А бессмертный «Памятник»? Eхegi monumentum? Это тот перевод, который живет в веках.
Каждая эпоха считает своим долгом перевести этот медный античный монумент на свой язык.
На язык своего времени, прежде всего. И на язык собственной судьбы – всякий поэт – лично.
Гораций, сам того не подозревая, родил в поэзии абсолютно новый жанр – в литературе его прямо так и обозначают: памятник.
Памятники нерукотворные себе воздвигли, после Горация, в нашей России: Капнист, Ломоносов, Державин, Пушкин, Фет, Брюсов, Бродский; даже Владимир Высоцкий такой воздвиг.
Жанр укоренился в русской поэзии.
А – в европейской? В китайской? В американской?
Вот это Гораций так Гораций – ай да Гораций, ай да су... ну, словом, всех победил!
Собственный жанр – одним стихотвореньем – мужик римский основал. Не каждому дано.

* * *

И вот подобрались мы к тончайшему из тончайших приемов использования чужого текста – к приему *литературного заимствования*.
Что такое заимствование? Разве это не воровство?
Нет; тот, кто умело заимствует штрихи и мазки из чужой живописи, отрицает это.
Заимствования очень разнообразны. Есть много видов заимствования. Их целая палитра. Целый веер, самоцветный спектр.
Что можно позаимствовать?
Да много чего.
Приемы; стиль; образы; композицию; ухватки; жесты; работу с материалом; опять же темы и сюжеты, куда без них.
Но все это, прошу заметить, плагиатом или прямой кражей в народе отнюдь не считается.
А почему?
А потому что это все можно утащить к себе в образную копилочку деликатно; незаметно; тайно; грациозно видоизменив; технично варьируя; исправив и переписав; насыщая то, что позаимствовал, своей интонацией (а чужая все равно просвечивает!), своим дыханием

(а чужие хрипы, чужие крики все равно сквозь наслоения другой музыки слышны!).

Займствуют многие. Очень многие. Нет такого писателя, который не позаимствовал бы у другого писателя когда-то и что-то. Но хорошо, если это заимствование происходит бессознательно, на волне восторга, и еще лучше, если оно одноразовое.

А если писатель заимствует у других авторов сознательно – и постоянно, систематически – все что плохо лежит: образы, музыку, даже, бывает, динамику, накал эмоций?

Это уже хуже.

Потому что писатель этот, заимствователь, получается, так живет. Это его образ жизни; его способ жить.

Он думает: оттолкнусь и поплыву! А еще думает: вот я уже лечу!

Но тот, кто хорошо знает и классическую, и современную литературу, все сразу видит в эклектической, пестрой плоти этих текстов: они прослоены чужим тестом, и на чужом огне испечены эти яркие, красивые пироги.

Сколько таких пирогов за всю свою жизнь я видала... едала...

* * *

Однако далее идем!

Использование. Оп! а разве мы всю дорогу не о нем толкуем тут?

Я про чистое использование. Когда берутся куски текста другого автора, переиначиваются, чтобы не выглядеть цитатами, и вклиниваются, вписываются в произведение.

Можно было бы назвать это дело лукавым коллажем, но мне больше нравится здесь русское слово.

Такие переиначенные куски чужих текстов сейчас становится модным втеснять в свою креативную прозу. К примеру, это ловко и даже блестяще делает Михаил Шишкин. В его романе «Венерин волос» дневник Изабеллы Юрьевой составлен из фрагментов чужих дневников.

И не раз критики Шишкина за руку хватали: ведь крадешь же!

А он смеялся: это новый вид современной литературы!

Я продолжу эту мысль. Скоро все так будут работать! Потому что нет разных авторов, а есть один гигантский мегатекст, и все мы, по сути, пишем одну громадную Книгу Книг! Так почему не перенести текст с одной страницы этой Книги – на другую!

Использовать чужие тексты так, как это делает Шишкин, будут, думаю, далеко не все, далеко не везде и уж точно не скоро. Но что есть, то есть.

Я сейчас читаю книгу одного писателя, написанную в сороковых годах прошлого столетия о годах двадцатых. И вдруг натыкаюсь на абзац – прямо на абзац! – читанный мною в современной мне русской прозе. Классический пример использования; и не возбраняется. Ибо вписан в нынешний текст к месту и к образу. К нужному делу привязан.

И все же, все же...

* * *

Прообраз.

О, это не платоновский (не писателя Платонова, а философа Платона) знаменитый первообраз, нет.

Это некий текстовый прототип, протосюжет – когда толчком к созданию произведения служит уже существующее литературное произведение.

И здесь просто не обойтись без хрестоматийного примера.

Маттео Банделло написал новеллу о враждующих семействах Монтекки и Капулетти в достославной Вероне.

Что из маленькой новеллы Маттео Банделло сотворил Вильям Шекспир, мы знаем.

«Ромео и Джульетту» и через сто, и через тысячу лет, и сколько будет жить Земля, будут ставить на театре, читать, плакать над ее героями и любить их.

Вот так прообраз посеял в шекспирову душу синьор Банделло!

Синьор Банделло, спасибо тебе. Ты настоящий друг.

Ты Шекспиру подарил одну из лучших трагедий.

Да что там, Вильям просто ее у тебя стащил. Маленькую новеллу.

А сделал из нее – великую фреску.

* * *

Удивительное вот еще явление – *имитация*.

Это совершенно дивное явление. Такое дивное, как гало на небе.

Вот все знают: есть на небе солнце. Днем.

А ночью есть луна.

Оно понятно: и солнце настоящее, и луна настоящая.

А есть такая штука, гало называется.

Это когда возле солнца торчат – и даже сияют! – одно, два, а бывает, и три маленьких солнца.

Как бы солнца. Квазисолнца.

Фенологи и астрономы называют их – ложные солнца.

Какое точное слово – ложные.

Вокруг луны тоже такая прелесть бывает: или концентрические круги, будто настоящая луна вложена, как матрешка, в другую, чужую луну; или опять же две луны по бокам у настоящей луны бойко так светятся, и ты, здрав голову и глядя в небо, не знаешь, что и думать.

Имитация солнца. Имитация луны.

Запросто их можно и попутать.

Думаешь: о, эта настоящая! – ан нет, ветерок подует, мираж исчезнет, и тебе стыдно перед луной настоящей.

Но каково чудо имитации! Не отличишь.

У Сергея Есина есть такой роман, «Имитатор». Давний роман, ему уж больше тридцати лет. Но до чего свежа тема! Автор, Сергей Есин, так сам говорил о своем романе: «...насколько выросла сама проблема, насколько она изошрилась, стала элегантней. Раньше (как у меня в романе) имитировал один художник, а сейчас имитируем на высочайшем уровне, имитируем и одновременно импровизируем. (...) Тотальная имитация затронула и политику, и нашу государственную и общественную жизнь». Так вот, ничего сложного сейчас, для автора любого ранга и любого уровня сознания, не представляет виртуозно симитировать другого автора, если один автор на креативную наживку другого автора жадно клюнет. Почему бы не начать писать, например, в духе X? Или в духе Y? Или в таком роде, в каком работает прославленный Z? Ведь ясно, что автора Z публика любит и читает, что у него успех. Так почему бы этот успех мне не повторить? А автор Y

так прелестно пишет! просто чудо! нет проблем писать, что называется, под него! Если я стану как он, глядишь, и меня заметит и обласкает публика!

Для искусной имитации тоже нужен талант. Причем немалый. Имитатор обычно легко справляется с подделкой, уснащая ее там и сям, чтобы имитация не так явно бросалась в глаза, собственными речевыми оборотами и личными словесными находками. И всё, Рубикон перейден, имитация готова! Мало того что без подлинной энергетике текста-«исходника»; а еще и с претензией на авторскую оригинальность. Нет проблем, как говорится.

Что происходит с имитатором дальше? Он вживается в роль. Он уже работает ловко и технично. Он год от года совершенствуется. Он может километрами писать имитационные тексты, и ему при этом кажется, что он нашел-таки свой голос и собственную неповторимость. Увы! Однажды внимательный читатель натывается и глазом, и сердцем на имитацию – и безошибочно вычисляет первоисточник.

Как известно, гало в небесах долго не живет. Рассеивается.

Имитатор может написать хоть сто книг. До мастерства и уникальности оригинала ему все равно не добраться.

Если хотите, это трагедия. Материал для романа «Имитатор-2», достойная пера С. Есина, недавно ушедшего от нас... А может, и кто другой осмелится, сымитирует и образ, и сюжет.

* * *

Обнаруживается еще и такая картинка: когда чье-то оригинальное произведение под пером другого автора, искусно переработанное, превращается в *китч*.

Все думают, что китч – синоним пошлятины. Нечто красивенькое, душевненькое, миленькое, сладенькое, мягенькое, славненькое, пустенькое, зело украшенное бантиками, рюшечками, розовыми соплями и сладкими слюнями. Нечто под названием: «Полюби меня!» Или даже так: «Купи меня!»

Но весьма часто китч бывает вторичного происхождения.

Это самый грустный китч, даже если он веселенький с виду.

К примеру, жила-была в США в XX веке такая талантливая авторесса Маргарет Митчелл. Написала она знаменитый роман «Унесенные ветром». Через семьдесят лет в США возникла еще одна авторесса, эмигрантка из России, честно говоря, далеко не талантливая, которой не давали покоя лавры Митчелл. Она без зазрения совести позаимствовала, мягко так скажем, у Митчелл кардинальную идею, вектор сюжета, образы героев – Скарлетт О'Хара и Ретта Батлера, дала им другие имена – и вперед и с песней! Как же мне хочется прославиться! Я прославлюсь как Митчелл! И роман у меня будет ну просто как у нее! Его переведут на сто языков, снимут по нему фильм, и я получу Букера, Оскара и Нобеля!

Да, все было в этом новом эпосе почти как у Митчелл. Только без митчелловского таланта.

На свет народился оголтелый китч.

Хотя, знаете, китч тот выпустили в очень даже приличном издательстве.

А что, издательство никогда не брезговало китчем. Китч, в особенности на модную тему, – он же приносит реальный доход. Народу

по большому счету неважно, талантлив ты или бездарен. Лишь бы было завлекательно, понятно, переживательно и красивенько.

Мне скажут: мы догадались, это дамский роман!

А что, наш читающий народ сейчас состоит в основном из дам в диапазоне от бальзаковского возраста до возраста старухи Изергиль. Такова жестокая реальность.

А сколько замечательных стихов вполне оригинальных поэтов перерабатываются умелыми ручками в красивенькую и веселенькую, а то и в слезливо-сентиментальную китчевую продукцию!

И это правда, увы.

Вспоминаю старый анекдот. «У вас ситчик веселенький есть?» – «Есть, такой – обхохочешься!»

* * *

А что у нас, друзья мои, осталось за бортом корабля?

Ну-ка посмотрим!

Так. Не разгрести.

Дубль. Литературный клон. Цитата. Центон. Реприза. Компиляция. Эклექтика.

Нет-нет... спасаюсь бегством...

Чужие тексты, пустите меня...

* * *

...счастлив тот, кто создает то, чего в мире не было раньше.

Уникальный роман.

Оригинальные стихи.

Неповторимую повесть.

Ни на что не похожую драму.

Кто рождает на свет нечто – да! – уникальное, креативное, то, чему потом, позже, бездарные эпигоны и старательные последователи будут подражать и над чем смешливые пародисты будут весело, по-дружески издеваться; а гении будут снимать шляпы перед госпожою Неповторимостью – и, алаверды, протягивать ей в подарок свою Неповторимость.

А правда, чем может отблагодарить, порадовать художник – художника?

Только неповторимо рожденным. Не клоном. Не двойником.

А ни на кого не похожим человеком.

Ведь книга, стих, любой текст – это человек. И он хочет прожить свою жизнь, а не чужую.

* * *

Это все мое раздумье совсем не означает, что писатель не должен пользоваться чужими текстами.

Он живет в окружении сотен, тысяч, миллионов чужих текстов!

Он не может отбиться от них так просто, как в каких-нибудь «Звездных войнах» светящимся мечом отбивается чудо-рыцарь от злобных космических чудовищ.

Но он, читая чужие тексты, вдохновляясь ими, вступая с ними в полемику или обнимая их душой («Обними меня глазами, обними меня

душой...» – как пел Чиж), пользуясь ими в обиходе или используя их в своей работе, никогда не должен их красть.

Явно или тайно. Искусно или безыскусно.

Должен, не должен... Не так надо тут сказать.

А, может быть, так: *если можешь не красть – не кради!*

Повтор, реприза, подражание, имитация, заимствование – это, как ни крути, все равно не уникальность.

Не гонитесь за копированием чужого. Лучше или хуже, вы повторите то, что уже было.

А счастье художника – единственно в том, чтобы создать то, чего не было никогда и чего потом, после тебя, когда ты уйдешь, больше никогда не будет, и не создаст никто такого никогда, как ни вылезай из кожи, как ни старайся стать «похожим на».

Я вот пишу сейчас эту статью, говорю с вами обо всех этих важных вещах, и я понимаю, что я ее ниоткуда не списываю, не слизываю, никого в ней не повторяю, ни у кого не краду ни ее композицию, ни ее интонацию, – так уж случилось, что я должна была отважиться на этот серьезный честный разговор: верю, он полезен будет, особенно для молодых, кто начинает путь в литературе. Но, ребята, всё без дидактики. Просто – информация к размышлению.

Тексты – это же люди. Мы живем в окружении чужих людей. Их – толпы. Их – целые народы.

А еще мы живем среди людей родных.

Среди тех, кого любим больше всего на свете.

Пушкин, умирая, посмотрел на свои книги, корешками глядящие на него с полка: «Прощайте, друзья мои!»

* * *

...бежать по накатанной лыжне легко, но безрадостно...

Я вам – радости желаю.

А радость – она рождается, как дитя.

Вы сами рождаете ее.